

**Отзыв на диссертацию диакона Сергея Сергеевича Кульпинова,
представленную на соискание ученой степени
доктора церковной истории на тему:
«Предпосылки, возникновение, развитие и ликвидация
обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири
в 1920-х – начале 1940-х гг. (на материалах Новосибирской, Томской,
Иркутской и Читинской епархий)»**

Диссертация диакона Сергея Сергеевича Кульпинова «Предпосылки, возникновение, развитие и ликвидация обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири в 1920-х – начале 1940-х гг. (на материалах Новосибирской, Томской, Иркутской и Читинской епархий)» посвящена актуальной и еще недостаточно исследованной в современной науке теме.

Осуществленное диссертантом исследование значительно расширяет представления об истории становления, развития и ликвидации, а также о региональных особенностях обновленческого раскола в Сибири. Это важно в свете того, что многие характеризующие деятельность центральных раскольнических органов источники утрачены и о ряде процессов в обновленчестве приходится судить с опорой на материалы их региональных структур. Диссертант осуществил тщательный анализ региональных особенностей сибирского обновленчества, показав его антиканонический радикализм, ощутимо повлиявший на положение дел в расколе в целом, особенно на его начальном этапе в 1922-1923 гг. Событийная сторона истории обновленческого раскола в Сибири описана весьма детально.

Представленная работа диакона Сергия Кульпинова характеризуется высоким источниковедческим уровнем исследования. Автор использовал значительное число, как опубликованных, так и неопубликованных источников. Им были привлечены материалы 18 отечественных архивов.

Помимо центрального Государственного архива Российской Федерации, автор использовал материалы 11 региональных сибирских государственных архивов: Исторического архива Омской области, Государственного архива Новосибирской области, Государственного архива Томской области, Центра документации новейшей истории Томской области, Государственного архива Кемеровской области, Государственного архива Красноярского края, Государственного архива Иркутской области, Государственного архива новейшей истории Иркутской области, Государственного архива Республики Бурятия, Государственного архива Забайкальского края и Государственного архива Хабаровского края. Достижением автора также стало использование материалов трех архивов региональных управлений ФСБ РФ по Новосибирской, Томской и Иркутской области, опираясь на которые, он смог составить картину репрессий в отношении обновленческого духовенства в Западной и Восточной Сибири. Также автором использованы материалы трех личных архивов, включая собственный. Всего диссертантом, согласно помещенному в работе списку, использовано 455 архивных дел, что производит сильное впечатление. Значительное количество архивных материалов введено диссертантом в научный оборот впервые.

Помимо неопубликованных источников, диссертант привлек большое количество опубликованных материалов: акты и делопроизводственные документы, публицистику, источники личного происхождения. В работе весьма активно использованы материалы центральной и региональной обновленческой периодической печати, церковной печати дореволюционного периода и периода Гражданской войны, а также материалы советской печати. Согласно помещенному в конце диссертации списку, автором было использовано 434 газетно-журнальные публикации, что выглядит довольно внушительным.

Диссертация диакона Сергия Кульпинова отличается многоаспектностью и системностью в исследовании заявленной темы, что

позволило автору прийти к четко сформулированным и новым выводам в отношении процессов становления, развития и ликвидации обновленческого раскола в Сибири, а также выделить особенности идеологии и практики сибирского обновленчества, определить их влияние на взаимоотношения сибирской обновленческой организации с раскольническим центром.

Структура диссертации построена в соответствии с хронологией развития обновленческого раскола в Сибири и отличается логичностью. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных сокращений и условных обозначений, списка использованных источников и литературы и шести приложений. Общий объем диссертации – 653 страницы, в том числе основной текст – 572 страницы, список использованных источников и литературы – 64 страницы, приложения – 13 страниц.

Первая глава посвящена предпосылкам обновленческого раскола в Сибири в 1905-1921 гг. Диссертант уделил внимание реформаторским устремлениям местного духовенства, а также симпатиям к социалистической идеологии и сотрудничеству отдельных клириков с советскими органами власти в период Гражданской войны. Им сделан вывод о том, что определенные идеи, в дальнейшем получившие распространение в сибирском обновленчестве, озвучивались в Западной Сибири, как в дореволюционный период, так и в 1917-1918 гг., но непосредственными предпосылками раскола стала реформаторская деятельность отдельных томских клириков уже после окончания Гражданской войны. К достижению диссертанта следует отнести установление им точной даты снятия с себя священного сана в мае 1920 г. управлявшим Иркутской епархией епископом Зосимой (Сидоровским), впоследствии сыгравшим важную роль в истории обновленческого раскола. Тем самым автор диссертации опроверг нелепую версию одного

современного исследователя, будто бы Сидоровский, сняв с себя монашеские обеты, продолжил управление епархией (с. 123).

Во второй главе проанализированы процессы становления обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири в контексте кампании изъятия церковных ценностей. Автор справедливо отметил, что именно эта кампания стала катализатором возникновения раскола в большинстве исследуемых епархий. В Забайкалье, где конфискация церковных ценностей не осуществлялась, становление раскола происходило только после присоединения Дальневосточной республики к РСФСР – в начале 1923 г. Диссертантом показано, что в Сибири довольно быстро сформировалась собственная обновленческая идеология, радикально отрицавшая монашество и требовавшая повсеместного введения «белого епископата». Эти идеологические особенности позволили диссертанту рассматривать сибирское обновленчество данного периода, как особую раскольническую группировку, только формально причислявшую себя к «Живой Церкви».

В третьей главе диссертации рассмотрено развитие обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири в 1923-1925 гг. в условиях роста сопротивления ему со стороны православных и восстановления каноничных церковных институтов в Сибири. Автор показал стремление сибирских обновленцев к автокефалии от Москвы, но отметил, что соответствующие решения, принятые на раскольническом съезде в Новониколаевске, в значительной мере остались декларативными.

В четвертой главе рассмотрено положение обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири во второй половине 1920-х гг. Автор показал процесс постепенного сворачивания негласной государственной поддержки раскола на региональном уровне, особенно с 1929 г., когда началось массовое закрытие обновленческих приходов на фоне коллективизации и индустриализации. К началу 1931 г. все исследуемые раскольнические

епархии значительно количественно умалились, ряд представителей обновленческого духовенства в Сибири подвергся арестам.

Пятая глава представленной диссертации посвящена процессам постепенной ликвидации обновленческого раскола в Сибири в 1930-х – начале 1940-х гг. Автор исследовал попытки развития обновленческой пропаганды в начале 1930-х гг., а также отметил значительное усиление влияния в Сибири раскольнического московского центра, стремившегося к тотальному контролю над периферией. По мнению диссертанта, к 1937 г., несмотря на значительное сокращение числа приходов, раскол в Сибири был еще относительно жизнеспособен. Оставшееся духовенство сохраняло надежду на изменения в государственной политике ввиду принятия новой конституции, и только репрессии 1937-1938 гг. окончательно подорвали позиции раскола. Исследовав положение оставшихся обновленческих приходов, диссертант показал, что окончательно они были ликвидированы только весной 1941 г., хотя после 1938 г. уже не представляли какой-либо значительной силы.

В конце каждого раздела диссертации содержится краткое, но очень информативное изложение его содержания. В заключении подведены общие итоги исследования.

Основные положения представленного диссертационного исследования отражены в 19 научных публикациях, из которых 10 в журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации, и 9 в журналах, входящих в Общецерковный перечень рецензируемых изданий. Автореферат вполне отражает содержание представленной диссертации. Работа написана хорошим научным языком, в целом научная ценность представленной диссертации не вызывает сомнений.

Однако при всех своих достоинствах диссертация диакона С. С. Кульпинова не лишена и существенных недостатков.

Прежде всего неудачной представляется формулировка цели исследования: «осуществление комплексного анализа возможных

предпосылок и процессов возникновения, развития и ликвидации обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири на материалах Новосибирской, Томской, Иркутской и Читинской (Забайкальской) епархий». Анализ, даже комплексный, не может быть целью, поскольку цель предусматривает завершённый исследовательский результат, а анализ – это лишь часть исследовательского процесса. Анализ (буквально – расщепление, разложение) – метод, который должен сопровождаться последующим синтезом (соединением, связыванием), без чего полноценный конечный результат научного исследования (его ожидаемая цель) не достигим. Сказать, что в рассматриваемой работе нет синтеза, нельзя, но следовало бы отразить это и в формулировке цели.

Описание методологии исследования в диссертации занимает менее одной страницы, что крайне мало. Главным же недостатком является то, что в этом разделе вообще ничего не сказано о применении в работе специальных богословских методов, что с учётом научной специальности, по которой защищается диссертация, и ее темы является весьма значительным упущением.

Без привлечения теологических (конкретно, экклесиологических) методов вообще невозможно обосновать, почему обновленчество трактуется в работе как раскол. Сами обновленцы с такой трактовкой были категорически не согласны и, в свою очередь, считали «староцерковническим расколом» «тихоновщину», мотивируя это тем, что они тогда находились в общении с так называемым Вселенским патриархом, а «тихоновцы» нет. Диссертант мимоходом упоминает об этой, по сути дела папистической, аргументации обновленцев (с. 347), но никак ее не опровергает и вообще не комментирует. Между тем, чтобы с полным основанием писать об обновленческом *расколе* (а не просто течении или движении), сделать это было необходимо и не представляло сложности, учитывая, что проблема взаимоотношений обновленческих раскольников с Восточными Патриархатами в современной церковной историографии уже

весьма основательно разработана (см.: *Мазырин А. В., свящ.* Обновленческий раскол в Русской Церкви и Православный Восток: специфика взаимоотношений неканонической организации с Константинопольской Патриархией и другими Поместными Церквами. Дисс. на соиск. уч. степ. докт. теологии. М., 2023).

Недостаточность внимания автора диссертации к богословской методологии приводит к тому, что фактографическая сторона работы явным образом превалирует над смысловой.

При этом диссертант экклесиологическими оценками, то есть результатом применения богословских методов, в определенной мере пользуется. В частности, он систематически использует кавычки в наименовании обновленческих деятелей «архиереями», «митрополитами», «архиепископами», «епископами» и т. д. Закljučая эти титулования в кавычки диссертант, очевидно, подразумевает, хотя и не пишет об этом прямо, что в церковном понимании эти персонажи архиереями, митрополитами, архиепископами, епископами и т. д. не являлись. С этим нельзя не согласиться, но диссертанту следовало бы это обосновать и быть последовательным, заключая в кавычки и такие раскольнические самотитулования как Священный Синод, Первоиерарх Православных церквей в СССР и т. п.

С точки зрения православной экклесиологии, некорректно писать и о Сибирской церкви: ее не существовало, была лишь именующая себя так местная раскольническая организация. Диссертант много пишет про II и III Поместные соборы, между тем таковых в 1920-е гг. в Православной Российской Церкви тоже не было, а были лишь раскольнические *лжесоборы*. Именно так квалифицировал обновленческое мероприятие 1925 г. святой Предстоятель Православной Российской Церкви Патриарший Местоблюститель митрополит Петр в своем послании к ней (см.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной

власти. М., 1994. С. 418), а Патриарх Антиохийский Григорий IV – к вопросу об отношении Восточных Патриархов к обновленчеству – тогда и вовсе предал анафеме это «сатанинское сборище» (Церковные ведомости. 1925. № 19–20. С. 1–2).

Не лишена работа и концептуальных ошибок. Так, глубоким заблуждением диссертанта является представление, что на первом месте среди целей кампании изъятия церковных ценностей 1922 г. *было получение средств для оказания помощи голодающим Поволжья* (он упоминает и другие цели, но уже следом, см. с. 137). В действительности на помощь голодающим пошла лишь мизерная часть ценностей, изъятых у Церкви, а в основном они были использованы для проведения денежной реформы 1922–1924 гг. Еще в 2015 г. это было доказано в серии публикаций сотрудника ПСТГУ диакона Сергия Иванова (см.: *Иванов С. Н., диак.* Финансы и политика в реализации изъятых в 1922 г. церковных ценностей // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 5 (66). С. 36–60; *Иванов С. Н., диак.* Церковное серебро в денежной реформе 1922–1924 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 38–63). Но, к сожалению, диссертант с этими вполне доступными публикациями не ознакомился, а предпочел взять за основу декларированную в Постановление ВЦИК об изъятии церковных ценностей пропагандистскую цель кампании. К слову, это постановление февраля 1922 г. автор диссертации почему-то приводит не по его первичной публикации (газете «Известия ВЦИК»), что несложно было бы сделать (с учетом того, что им использованы куда более редкие периодические издания), а по популярному интернет-ресурсу, который в свою очередь использовал публикацию М. И. Одинцова 1990-х гг. Это обстоятельство несколько понижает в целом довольно высокий уровень научной культуры диссертации.

Диссертант повторяет давний тезис А. Э. Левитина о значительной роли начальника VI отделения Секретного отдела ГПУ Е. А. Тучкова в

осуществлении раскола, но ему осталась неведомой совершенно исключительная роль в этом деле Л. Д. Троцкого, причем не только как теоретика, но и главного организатора церковного раскола. В мае-октябре 1922 г. Л. Д. Троцкий лично руководил специальной секретной комиссией по расколу Русской Церкви, в которую входили такие руководители ГПУ, как В. Р. Менжинский, И. С. Уншлихт, Т. П. Сампсонов, но отнюдь не Е. А. Тучков. Протоколы этой комиссии были опубликованы уже упомянутым Сергеем Ивановым, ныне священником (см.: *Иванов С. Н., свящ.* «Совершенно секретно. Хранить конспиративно». Протоколы неизвестной комиссии Л. Д. Троцкого по расколу Русской Православной Церкви (май – октябрь 1922 г.) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 107. С. 134–166), но с этим ценнейшим для понимания механизма насаждения обновленческого раскола комплексом документов диссертант, увы, остался не знаком.

Есть в диссертации и мелкие содержательные недочеты. Так, например, фамилия священноисповедника архиепископа Омского Сильвестра не Ольшанский, а Ольшевский (с. 113). Северная столица в 1923 г. еще именовалась Петроградом, а не Ленинградом (с. 228). Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при ВЦИК СССР в 1930 г. (с. 425, 427) не существовало, равно как и вообще ВЦИК СССР. Существовали отдельно ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет) и ЦИК СССР. Постоянная центральная комиссия по вопросам культов до 1934 г. была при ВЦИК и, соответственно, действовала в пределах РСФСР, а после была реорганизована в комиссию при ЦИК СССР, то есть стала всесоюзной.

Несмотря на высказанные замечания, диссертация диакона Сергея Сергеевича Кульпинова «Предпосылки, возникновение, развитие и ликвидация обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири в 1920-х – начале 1940-х гг. (на материалах Новосибирской, Томской, Иркутской и Читинской епархий)» представляется в целом

удовлетворяющей требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора церковной истории, а ее автор – заслуживающим присуждения искомой степени.

Свят. А. Мазырин

Доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор,
священник Александр Владимирович Мазырин,
главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела
новейшей истории Русской Православной Церкви,
профессор кафедры общей и русской церковной истории и канонического
права Образовательного частного учреждения высшего образования
«Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет» (115184,
г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23 Б),

am@pstbi.ru, +7(495)9532289

29 января 2024 г.

